

Надежда Александровна НИКУЛИНА¹

УДК 930.2(2)

ПРАВДИВЫЕ СНЫ АНДРЕЯ АРЖИЛОВСКОГО ИЗ РАССТРЕЛЬНОГО ДНЕВНИКА 1936-1937 ГОДОВ*

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры межкультурной коммуникации,
Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru

Аннотация

Основу публикации составили описания сновидений, представленные в личном дневнике 1936-1937 годов жителя сибирской глубинки А. С. Аржиловского. Андрей Степанович Аржиловский (1885-1937) был ярким представителем крестьянской интеллигенции периода поздней империи, круг его интересов не ограничивался исключительно добыванием пропитания: занимаясь делами волостного делопроизводства, сочинял статьи и фельетоны в местные газеты, описывал народные обычаи и обряды и периодически вел личные дневниковые записи. За участие в работе уездного земства в 1920 г. был осужден, в 1922 г. амнистирован, в 1929 г. осужден во второй раз и более семи лет провел в лагерях. Период жизни на свободе — чуть более года. В этот период А. С. Аржиловский вел дневник, фиксируя там свои наблюдения над бытовой жизнью, переживания относительно воспитания детей, сомнения по поводу нового установившегося в стране уклада жизни. Описания сновидений — важная особенность этого эго-документа, которая принесла его автору скандальную известность (фрагментарная публикация в Америке 1995 г.) и одновременно открыла возможность для интерпретации ключевых знаков и символов личной и общей истории. Примечательно, что

* Автор материала благодарит за годы сотрудничества и за идею публикации этого материала своего коллегу и доброго друга Владимира Яковлевича Темплинга, безвременно ушедшего из жизни в январе 2020 г.

Цитирование: Никулина Н. А. Правдивые сны Андрея Аржиловского из расстрельного дневника 1936-1937 годов / Н. А. Никулина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 4 (32). С. 41-59. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

именно этот дневник стал основанием для обвинительного приговора, в соответствии с которым в сентябре 1937 г. жизнь Андрея Степановича Аржиловского оборвалась в застенках НКВД.

Ключевые слова

Андрей Степанович Аржиловский, эго-документ, личный дневник, человек и государство, сны, репрессии 1937 года, жертва репрессий, стратегии выживания.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

Введение

Личные дневники известных и неизвестных людей нередко содержат описания снов, многие из которых способны заинтересовать исследователей. В известной работе И. Паперно «Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма)» встречаются ссылки на дневники Л. Чуковской, художника М. Гробмана, писателя М. Пришвина, критика Я. Друскина, Н. И. Бухарина и его жены. Исследователь сопоставляет тексты сновидений под углом исторической тематики, пытаясь выйти на архетипы реакций людей на тоталитарный режим [14]. Среди дневниковых записок известных людей, имеющих непосредственное отношение к литературе и искусству, ценным объектом этого исследования становятся дневники репрессированного тюменца Андрея Степановича Аржиловского. В работе упоминаются два наиболее известных и даже скандально известных фрагмента дневника: первый — сон о Сталине, где вождь насилует соседа, а второй — сон с Максимом Горьким (собственно не сон, а образные размышления автора о социальной справедливости и литературе). Эпатажный фрагмент записок со сном о Сталине в настоящее время стал своеобразной визитной карточкой сибирского эго-документа: был замечен американскими издателями [19], а ныне открывает публикацию дневника Аржиловского на странице проекта «Прожито» [3].

В настоящей статье осуществляется описание всех сновидений Андрея Степановича Аржиловского, представленного в сохранившейся дневниковой рукописи, датированной последним годом его жизни (1936-1937), что определяет очевидную актуальность и новизну нашего материала, поскольку интерес к этому трагическому периоду российской истории продолжает расти на фоне не менее драматичных событий текущей действительности. Дополнительным аргументом в пользу актуальности нашего материала является тот факт, что источниковедческий потенциал рукописи А. С. Аржиловского не исчерпывается цитируемыми фрагментами (например, сон о Сталине), содержит описания других сновидений, важных для ретроспекции опыта человека, который вошел в число жертв советской эпохи по воле случая и по складу своей натуры. Кроме того, анализ текстов, содержащих пересказ сновидений, позволяет выйти к осмыслению лейтмотивов и даже ключевых символов времени, представленных здесь в наиболее сконцентрированном виде.

Методы и материалы

Изучение сновидений является давней и перспективной областью научных поисков и наблюдений со стороны фольклористов, этнографов, антропологов, психологов и даже философов, поскольку «рассказы о снах представляют особую область вербальной культуры», их нередко относят к «жанровой разновидности устной несказочной прозы» [18, с. 143] и считают важным элементом народного культурного опыта. Главным направлением таких исследований можно считать изучение образно-символического фонда сновидений под углом снотолковательной традиции, начало которой было положено еще в XIX в. (Е. Романов, Н. Никифоровский, С. Дерунов и др. [9, 10, 15-17]). Важно отметить, что методология большинства работ опирается на представление, которое является принципиально значимым и для нас: «текст, в котором дается описание сна не является в традиционном смысле первичным, а представляет собой текст-надстройку» [12, с. 6], поскольку является в некотором смысле результатом вербализации визуальных образов, имеющих пограничную природу. В частности, М. Лурье пишет, что

«содержание сновидения и содержание соотносимого с ним события (кстати, не всегда принадлежащего будущему по отношению ко сну времени, но иногда — прошлому и «неизвестному настоящему») можно геометрически представить как две непараллельные плоскости, снотолкование — как линию их пересечения, принадлежащую третьей (ментальной) плоскости» [11, с. 40].

Соответственно, и наша попытка толкования снов Андрея Аржиловского с акцентом на «неизвестном настоящем» есть плоскость допустимого поиска, основанного на научном подходе к тексту. Особой оговоркой в нашем случае является не изучение символических универсалий, а поиск следов реальной истории. Тем более что имеет смысл допустить тот факт, что в разные эпохи людям могут сниться не только похожие сны, но и разные, навеянные теми обстоятельствами, в которых они оказались. В этом случае эго-документ, вмещающий рассказ о сновидении, превращается в источник исторического и антропологического исследования. При этом мы осознаем, что такое свидетельство не является прямым, безусловно объективным, а требует осторожных оговорок и бережного комментария.

В настоящее время общим местом становится герменевтика сновидений под углом психоанализа, а соответственно, и понимание того, что сны являются опосредованным отражением опыта человека, в том числе и опыта анализа действительности, опыта выживания в кризисных обстоятельствах. При этом сон часто не воспринимается человеком как продукт личного творчества: человек, рассказывающий о сне, выступает в роли своеобразного посредника между миром явным и иным пространством, а внутренняя цензура сновидений отличается от той, которая может сопутствовать прямому рассказу человека о собственной жизни. Всё это в значительной степени повышает эффективность

методики мотивного анализа, которая широко используется в современных когнитивных исследованиях и в психиатрической практике, в терапевтических целях и в изучении текстов различной природы, которая позволяет за частными мотивами и мотивными комплексами распознавать болевые (семантически значимые) точки общества в определенные периоды его истории. Именно такой выход от снов отдельного человека к символам и знакам времени кажется нам не только интересным, но и перспективным.

Дополнительным источником и контекстом для осмысления сновидений являются исследования историков, посвященные изучению знаков и символов советской эпохи, и в частности, монография Б. И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года» (2012). Историка интересует процесс трансформации ценностей уходящей эпохи и собственно конфликт политических символов в первые годы советской власти. Примечательно, что объектом внимания ученого становится не только государственная атрибутика (герб, флаг), но и праздничные ритуалы, песни, «живые символы революции» (например, А. Ф. Керенский) [7, с. 298]. Такой научный контекст актуализирует тему нашего исследования в русле исторических и антропологических изысканий, определяющих взаимосвязь исторических эпох и социальных конфликтов.

Результаты и обсуждение

Сохранившийся дневник Аржиловского (мы допускаем, что он мог вести дневниковые записи и раньше) открывается записью от 28 октября 1936 года, а последняя запись датирована 27 июля 1937 года. За этот небольшой период сделано 89 подневных свидетельств, а в 16 из них Аржиловский записывает сновидения, которые в разной степени занимательны, но все вместе стали отражением истории, что сложилась на пересечении сна и яви, факта и фантазии в потоке мыслей и переживаний человека, переживающего последний год своей жизни.

Здоровый полноценный сон, наряду с едой и одеждой, — одна из естественных потребностей человека, которая в критические периоды жизни и истории актуализируется в качестве ценности. Проблемы со сном, едой, одеждой часто проникают в личные дневники и письма советского периода, превращаются в знаки качества жизни, этими мотивами наполнены и дневниковые свидетельства А. Аржиловского. Нехватка сна или бессонница становятся основаниями для жалоб и сожалений, а в масштабах эго-документа образуют связки с мотивами беспокойства, тревоги, утраты места и свободы. В некотором смысле для Аржиловского сон со сновидениями — знак того, что жизнь входит в привычный уклад, тем более что за плечами у автора дневника опыт бессонницы периода лагерной жизни, который он описал в рукописи (названной им же) «Голос бывшего человека». Рукопись на 10 листах, посвященная описанию жизни в лагерях, писалась Аржиловским параллельно с дневником в последний год его жизни. Здесь содержится несколько подобных замечаний относительно сна. Например, такое:

«Думал, что в тюрьме хоть отосплюсь после малосонного лета, но ошибся. В тюрьме оказалось душно и тесно до ужаса, т. к. против нормы набили тюрьму мужиками до отказа. Спали в растяжку только счастливы. Многие сидели в обнимку с грязной и вонючей парашей...» [2, 4].

Возможно, отсутствие условий для спокойного сна в период заключения стало дополнительным основанием того, что после освобождения А. Аржиловский так часто в своем дневнике говорит о тишине в доме, о спящих детях:

«Около горячей печи разморило меня и не хочется подниматься; старческая лень и упадочность энергии порой дают себя знать. Малыши спят; в хате пусто (3 ноября 1936 г.)»¹.

Таким образом вокруг мотива сна формируются смысловые полюсы, основанные на антиномиях: тюрьма (лагерь) — дом, холод — тепло, теснота — простор («в хате пусто»), чужие люди («мужики») — дети, вонь — запах еды и, наконец, отсутствие сна — сон со сновидениями.

Хотя о событиях лагерной жизни Аржиловский пишет в отдельной рукописи, а в дневнике почти не вспоминает об этих годах, но именно в связи с мотивом сна в ноябре и в середине января он делает следующие записи:

«Первую ночь я не спал: волнение гнало сон и все казалось сном. Страшно было забыться, а вдруг опять лагерь?» (7 ноября 1936 г.); «...Теперь я совсем забыл лагерь: всё кажется каким-то давно снившимся сном. А между тем — сколько там оставлено сил и мыслей? Какой это был ужасный плен! Ну, был — да сплыл, будем жить по-иному» (19 января 1937 г.).

О лагере в связке с мотивом сна вспоминает и в феврале:

«Быстро время идет. Теперь часто кажется, что никогда я в лагере и не был, что просто сон снился; а между тем...» (2 февраля 1937 г.).

Метафорическое упоминание о сне как забвении событий лагерной жизни — значимая деталь, которая указывает на присутствии прошлого в сознании и в подсознании автора дневника. В таком контексте сон — это явь, которую хочется забыть и не допустить в реальность будущего.

Некоторые сны Андрей Аржиловский прописывает подробно, об иных только упоминает, что естественным образом обусловлено разнородностью сновидений и особенностями их запоминания. Сны о насущном нечасто проникают в дневниковые записи, чаще рассказываются и записываются сюжетные и осо-

¹ Дневниковые записи цитируются по оригиналу, хранящемуся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Стилистические и орфографические особенности документа сохранены. Курсивом передаются фрагменты текста, в оригинале подчеркнутые, вероятнее всего, следователем. Написание соответствует оригиналу.

бенные сновидения, относимые к значительным или вещим. Пример сна, вписанного в размышления о текущих проблемах жизни:

«Жизнь идет своим обычным шагом: сегодня и во сне снился хлеб без очереди... Когда это будет?» (26 февраля).

Аржиловский сам комментирует и интерпретирует сновидения, исходя из опыта, проблем, которые его беспокоят, а также на основе традиционных ключей интерпретации. Например, в следующей записи дается общее (на основе народных сонников) объяснение сна о собаках, где видеть собаку во сне — к встрече с другом:

«Недавно приснились три собаки, которые ласкались ко мне: на следующий день встретил трех своих хороших друзей. Наклевывается новая работа с хорошим окладом, может быть и клюнет» (17 марта 1937 г.).

Среди записанных в дневнике сновидений есть несколько, что отсылают к опыту человека, живущего на земле, связанные с заботой об урожае, природных условиях, а в случае с Аржиловским — тоской по крестьянскому труду и деревенской жизни:

«Сегодня снились Долговские пашни; должно быть потому, что пишу воспоминания о том периоде жизни в наш журнальчик» (15 декабря 1936 г.); «Снилась какая то незнакомая деревня, большая река и лоси, идущие с коровами» (6 марта 1937 г.); «Снилось: бороню толстые пласты и сам себе удивляюсь, что они все-таки поддаются зубьям бороны» (27 марта 1937 г.).

Сны людей 30-х и иных годов складывались не только из размышлений о насущных проблемах и сигналов подсознания: существенным источником тех сновидений был страх, который прорывался сквозь символы и знаки сонного пространства в явь человека обещаниями расправы, наказания, смерти. О таких снах пишет А. С. Аржиловский в мае 1937 года:

«Эти сны так напугали меня, что *всю свою литературу я спрятал и держался до I-V. Как будто, нет ничего особенного и все оказалось ночной фантазией*» (1 мая 1937 г.).

Мы можем только догадываться о тех «фантазиях», что напугали автора дневника и заставили на 12 дней отказаться от ведения дневника (предыдущая запись была сделана 19 апреля). Специфическим контекстом для интерпретации последнего дневникового свидетельства являются факты ближайшего к ним грядущего, о которых Аржиловский не знал и не мог знать, но которые определили его судьбу.

Сон о Сталине. Самое первое сновидение, что появляется на страницах дневника, относится к самым известным, это тот самый сон о Сталине, который

превратил расстрелянного тюменца в критика системы. Приведем описание сна полностью:

«Назовите чепухой, но тем не менее и сны есть факт. Хочется записать интересный сон. Кто-то сказал мне, что я могу увидеть Сталина — фигура историческая, увидеть любопытно. И вот. Небольшая комната, простая, мещанская. Сталин пьяный «вдребезги», как говорят. В комнате одни мужчины; из мужиков я и еще один чернородый. Не говоря ни слова, Виссарионыч повалил чернородого мужика, закрыл простыней и яростно... изнасиловал... «И мне тоже будет!» — в отчаянье подумал я, припоминая тифлиссские обычаи и хотел бежать; но после сеанса Сталин как будто несколько отрезвел и вступил в разговор:

— Почему вы интересуетесь видеть меня лично?

— Ну, как же: портреты портретами, а живой человек, да ещё великий — совсем другое дело, — сказал я.

В общем, для меня дело кончилось более благополучно и меня даже угощали. Снился мне Сталин 2-й раз: перед освобождением и вот сегодня. Дело в том, что Николай 2-й мне тоже снился перед революцией. Я тогда думал: к чему это? Никогда я его не видел, интересовался очень слабо. А вот в революцию и после казни приходилось часто вспоминать этого странного последыша. Полагаю, что Сталин снился не зря. Эта огромная комета, так или иначе, должна как-то особенно ярко пройти по вселенной, но именно путем кометы, а не планеты. Во всяком случае, я не выдумал, а фиксирую факты, хотя и бредовые. Сижу с малышами и ворчу на Арсения, который никак не может постичь истину русской грамоты. У него в азбуке не 35 букв, а триллионы. Своим ребятам, молчаливым дичкам, я должен конечно многое простить: это же до некоторой степени полубеспризорники, голодные изгнанники» (18 декабря 1936 г.)

О вожде Аржиловский упоминает на страницах дневника три раза: в связи с принятием сталинской конституции, сетует на то, что не услышал речь Сталина, когда сообщает о подвиге летчиков, поставивших рекорд по «Сталинскому маршруту» и в описаниях сновидения — специально не пишет ни о личности этого человека, ни о его роли. Но считает сон неслучайным: «Полагаю, что Сталин снился не зря». Следует сказать, что сон о царе или вожде — это архетипический вариант проекции идей власти и отца одновременно, важных для автора дневника. Относительно своих отцовских обязанностей Аржиловский пишет в дневнике неоднократно, размышляя о том, как научить своих детей думать и критически относиться к событиям жизни, как научить читать младшего, а старших приучить к чтению хорошей литературы.

Атрибутика образа Сталина в зафиксированном сновидении оформляется следующими предикатами: «исторический» («фигура историческая»), «пьяный», «живой» и «великий». Кроме того, метафорическое сравнение с кометой делает этот образ еще более ярким: «Эта огромная комета, так или иначе, должна как-то особенно ярко пройти по вселенной, но именно путем кометы, а не планеты». Поэтизация образа Сталина кажется столь явной на фоне реплики о Нико-

лае, которого называет «странным последышем». Более того, образ Сталина выступает знаком грядущих перемен и, возможно, благоприятных, поскольку снился второй раз: «перед освобождением и вот сегодня». Но по сюжету Сталин насилует «чернобородового мужика», т. е. проявляет грубую силу, т. е. образ вписывается в архетипическую модель, объединяющую вождя и систему, и указывает на подсознательную уверенность Аржиловского в том, что государство является карающей системой, а выбор жертвы в этой системе случаен.

Этот сон и свидетельство о нем А. С. Аржиловский считает не выдумкой, а фактом («Во всяком случае, я не выдумал, а фиксирую факты, хотя и бредовые»), что является дополнительным указанием на то, что записывание такого сна не кажется автору дневника опасным или фантазийным. В некотором смысле ему, записывавшему когда-то фольклорные свидетельства для П. И. Гордцова, сон кажется подобным фактом, достойным письма и интересным. Тем более что он уверенно излагает здесь и свои политические предпочтения, отзываясь о временах царской России в русле канона советской эпохи. Но реализм такого сна и его правда заключается в большей степени в ключевой идее о насилии системы и о случайности выбора — кому жить, а кому умирать.

«Мудреный» сон с аэропланом. В конце января 1937 года Аржиловскому приснился следующий сюжетный сон:

«В 4 просыпаюсь. К пяти Лиза уходит на молоканку, я растопляю печь. Сходил за водой на салазках. До ворот ехал благополучно, в воротах высокие салазки повалились, и кадочка — набок. Хорошо, что в руках ведерко с водой: за труды все-таки осталось. Геня ушел в очередь за хлебом: опять волынка с хлебом, огромные очереди, давка. Хлеб дорогих сортов, что и для пролетариата весьма невыгодно. Бок заживает, почти все в порядке; но случилась другая беда: купил себе тесные, твердые валенки, стер палец, который теперь болит. «К худу — худо и вяжется...» Но я сел записать мудреный сон. Еще с вечера приснился, только прилег. Я где-то на новостройках. Почему-то топлю печи и боюсь пожара: как бы не вспыхнули строения. Вдруг слышу шум аэроплана. Появляется низколетящий огромный корабль, нагруженный огромными связками сухих дров, которые, по моему предположению, должны вот-вот вспыхнуть. Думаю: «Как только аэроплан коснется построек, то все вдруг загорит и сам он сгорит». Но столкновения не было: я проснулся в то время, когда корабль пролетал надо мной, почти касаясь хвостом крыш. Это странный сон. Второй немного забыл, но в основном какая-то газетная статья, в которой последние три строчки ярко говорили о насмешке над русским гражданином. Как будто даже была фраза: «Вот и вытрись!» Сонные мысли, появляющиеся без воли человека... Стоит тихая, твердая погода» (28 января 1937 г.).

Этот сон Аржиловский называет в дневнике «мудреным» и «странным», т. е. можно предположить, что он сам неоднократно пытается трактовать свои сны, хотя именно эти сюжеты он чаще пересказывает и оставляет без комментариев, а события реальной жизни анализирует и обобщает. Пограничная ткань сна

формирует некий текст, чужой и свой одновременно, и будто недооволенный в письменном слове. Символизм этого сновидения строится на образах новостроек, аэроплана и пожара.

Семья Аржиловских проживала в новом доме «на задах лесозавода», который в то время носил обычное советское имя «Красный Октябрь». Не следует думать, что речь в дневнике идет о каких-то высотных каменных зданиях, поскольку в бытность автора записок новостройки представляли собой деревянные барачные сооружения. Этот завод был основан в 1933 году на окраине Затюменки, где вокруг завода именно в 1930-е гг. формируется поселок. Возможно, Аржиловский был свидетелем этих первых деревянных застроек или слышал о планах руководства по строительству жилья для рабочих завода. В наши дни среди застроек района можно отыскать однотипные двухэтажные многоквартирные дома, которые были построены в 1940-е гг. Не исключено, что именно над нами в сновидениях Аржиловского летал аэроплан, угрожая пожаром.

Что касается аэроплана, то известно, что первое знакомство тюменцев с аэропланом состоялось в 1912 году, а к 1937 году в Тюмени есть свой аэропорт (Плеханово), аэроклуб и организованы перелеты из Тюмени в северные города региона. К летательным аппаратам тюменцы почти привыкли, но появление в небе летательного аппарата в те времена вызывало восторг и волнения. В 1940-е гг. «железные птицы» вызывали восторг, а профессия летчика считалась одной из самых героических, о чем свидетельствуют многочисленные газетные публикации и документальные фильмы. Примечательно, что в дневнике А. С. Аржиловского тема самолетов и летчиков воплощается в антисоветском ключе: два летних свидетельства на эту тему будут отмечены в рукописи карандашом сотрудника НКВД и войдут в число аргументов расстрельного приговора. Цитируем одно из них:

«Жарица. Выходной. Вместо отдыха страшно устал, т. к. ходил и на базар, и бродил по толкучке. Живёт народ! Жрут и пьют. Все в порядке летчики наши «прильдинились» на Северном полюсе и этим делом теперь мы шумно гордимся. Поплавают на льдах полюса, получают чрезвычайные подъемные, прилетят обратно, дурачье забросает их цветами, а в результате — государство должно увеличить смету расходов по научным открытиям и накинуть по копейке — по две с нелетного рыла. Что можно извлечь из плавания на толстых льдах полюса? По-моему, ничего. А хвастни, а портретов, а великих людей в газетах — хоть пруд пруди! Ну, пусть тешатся» (6 июня 1937 г.).

«Жрать», «жратва», «ради жратвы» — повтор и точка накала в описаниях летных подвигов 1937 года, которые автору дневниковых записок не кажутся безусловной причиной для гордости. «Прильдинились» — неологизм на снижение важности события, которое вошло в историю как легендарный полет через Северный полюс в Америку. Аржиловский, как и миллионы советских граждан, наблюдал по газетам эту историю, включая обед советских летчиков с американским президентом. И если страна ликует от гордости за своих геро-

ев, то автор дневника откровенно признается в отсутствии у него «летней» фантазии и восторга».

Аржиловский в этих суждениях — человек, который не погрузился в бытовое пространство жизни в той мере, как этого требует система, не стал своим для советского общества, а напротив, обозначил свое несовпадение с ним. В русле же интерпретации сновидения Аржиловского об аэроплане все обозначенные нами послы формируют контекст явных и скрытых мотивов жизни человека, который в реальности демонстрирует позицию постороннего критика, а во сне транслирует беспокойство и ответственность относительно происходящего в своей стране. Это противоречие вскрывается во сне через образ пожара, представляющего опасность для людей, а источником этой опасности становится объект, символизирующий новое время, — аэроплан.

Сны про поезд. Железная дорога с поездами появилась в Тюмени в 1885 году, а в 1912 году при содействии главы города Андрея Текутьева она была продолжена до Омска. По сути, после революции и в последующие десятилетия железнодорожный вокзал, платформы и эшелоны — важные атрибуты образа Тюмени, присутствующие в семантическом поле горожан. Кроме того, преимущественно по железной дороге осуществлялась транспортировка осужденных на места отбывания срока. Железной дорогой возвращается домой после 7 лет лагерей А. С. Аржиловский, о чем пишет в дневнике от 31 октября 1936 года.

Сны про поезд — это знаки перемен в жизни, часто связанные с тревогой о судьбе семьи. Например: «Снился поезд, мчащийся по узкоколейке в гору» (23 декабря 1936). Сквозной характер образов поезда, железнодорожного полотна в дневнике — неслучайная деталь, отсылающая к метафорам советской действительности, к популярной символике советских песен и кинематографических шедевров. Например, легендарная песня «Наш паровоз» вполне могла звучать из репродукторов тюменских радиоточек и в 1936 году.

В январе А. С. Аржиловский не просто вспомнит свой опыт путешествий по железной дороге, а превратит поездку на поезде в метафору социального отбора:

«Думал о быстро проходящей жизни и о том, что многим не удастся купить билета. Что такое, например литература? Своего рода станция, курортный пункт. Многие могли бы ехать, но не все успевают купить билеты. Подошёл Горький — взял билет и покатил. Все говорят: «Вон Горький едет!», «Ах, какой он интересный!». А десятки и сотни таких же горьких остались у билетных касс с запасом слов и мысли только потому, что нет билетов. Жизнь — быстро мчащийся поезд. С билетом — едут, без билета стоят и смотрят. Когда-то и у меня был билет, и я мчался. А теперь ходим пешком: всё очередь, билетов нет...» (21 января 1937 г.).

Этот фрагмент из размышлений автора дневника, с одной стороны, напоминает эскиз к остроумному фельетону или юмористическому рассказу о по-

пулярных и непопулярных писателях; с другой стороны, указывает на существенные переживания самого Аржиловского относительно места в жизни, утраты того места, которое предназначалось ему в прежние времена. Метафора судьбы на новые времена — поезд, на который все билеты распроданы.

Сны о религии и другие. В феврале 1937 года Аржиловский записывает сон, который косвенно перекликается с событиями того года и связан с людьми, судьба которых высвечивает в этом дневниковом эпизоде особым образом:

«Зачем то приснилась процессия с иконами. Несут старухи икону нашего Зырянского спасителя и не знают, куда ее поставить. Я взял у них икону и поставил на угол к избе Ивана Игнатьевича. Собрался народ и было похоже на молебен, но некому начинать. Вдруг дети, советские дети, тихонько не стройно запели тропарь «Пречистому твоему образу». Я подхватил. Потом появился Дьякон Сажин в облачении и с огромным Евангелием. Знаком подозвал он меня к себе и я понял: аналоя не было и нужно было держать книгу. Я поднял руки и тяжелая книга увесисто легла на них. Но дьякон забыл Евангелие Святителям (почему-то Николаю угоднику посвящалось) и долго искал. Откуда-то появился Андрей Страхов. В общем, кой как наладилось. Но пел я один, причем удивлялся звукам своего голоса и тянул концы очень долго. Дальше снилась какая-то новая местность, куда мы переехали со всей семьей. Земля лежала пышная, черная, оживая пахаря.

— Неужели будем сеять? — спросил кто-то из детей.

— Обязательно, — ответил я и начал собирать разбросанный мусор...»
(4 февраля 1937 г.)

А спустя некоторое время записывает еще один сон о церкви, только на этот раз с участием брата Михаила:

«Хотя и глупо сны записывать, но если больше нечего? Снилась мне церковь, в которой брат Миша служит дьяконом. Служит и ворчит что-то далеко не церковное. Ему кто-то предлагает пожертвование на церковь вещами, так он отвечает: «Я не для того здесь, чтобы барахло собирать». Заходя в алтарь закрывает двери на ключ и приговаривает: «Так то надежней будет, а то еще сопрут что-нибудь». Явное недоверие к мирянам. Зачем такое снится? Попробуй, угадай. Сегодня даже и мне холодно в халате. Еще дней сорок будем мерзнуть. В Испании все еще драка идет. Похоже все-таки на то, что «правительству» долго не продержаться, хотя и хвастают. Мы обрываем себя и жертвуем на Испанских рабочих. Интересно, кому идут мои 1 р. 50 к.?» (16 февраля 1937 г.).

Религиозная тема как в жизни самого Андрея Степановича и его семьи, так и в России 1930-х гг. является неоднозначной и заслуживает специального исследования. Некоторые аспекты темы находят отражение в дневнике, указывают на то, что для автора записок религия — часть уклада, к которому он привык с детства, как и для многих других людей его поколения. Более того, его родной

брат Михаил окончил церковно-приходскую школу, в 1897 г. служил дьяконом в церкви с. Покровское, а затем уехал в Санкт-Петербург и поступил в Академическую капеллу. По окончании учебного заведения Михаил остался преподавать в северной столице, где и застали его революционные события, после революции вернулся в Тюмень, стал преподавателем музыки, а затем священником в одной из церквей города. В 1937 г. разделил судьбу брата Андрея, был расстрелян в тюменской тюрьме как враг народа. Следует отметить, что в дневнике Аржиловский пишет о Михаиле немного, но причиной тому может являться не отсутствие братской привязанности, а та особая дистанция, которая возникла между человеком, пережившим опыт лагерной жизни, и его близкими.

В записях от 16 февраля 1937 г. Андрей Степанович Аржиловский рассказывает о сне с участием Михаила, упоминая о его дьяконском служении. Важным сопутствующим мотивом является недоверие к прихожанам, к людям, что посещают приход, который проекцией восходит к реальным событиям, происходящим в то время в России и, в частности, в Тюмени. Риск оказаться жертвой доносов, объектом слежки и даже чистки был велик и для Андрея Степановича как бывшего кулака, неблагонадежного элемента, так и для Михаила Степановича, входящего в число служителей культа.

Примечательной особенностью этих двух снов можно считать череду странных несоответствий, зафиксированных в записях и имеющих отношение к правилам церковной службы. Так, событием первого сна становится молебен в родном селе Зырянка, который начинается с заминки: «Несут старухи икону нашего Зырянского спасителя и не знают, куда ее поставить», следующим несоответствием оборачивается факт того, что «советские дети, тихонько не стройно запели тропарь» и уже совсем удивительным фактом кажется то, что дьякон забыл Евангелие Святителя (такое или не случается, или случается крайне редко). Дополнительно высвечивает еще одно несоответствие: читается отрывок свт. Николаю Чудотворцу, а его иконы нет, что удивляет автора дневника («почему-то Николаю угоднику посвящалось»). Кроме того, можно предположить, что в этом сне Аржиловский частично ассоциирует себя с церковнослужителем, поскольку один держит евангелие как дьякон и поет за хор. Но при всех этих несоответствиях автор свидетельствует о чувстве особой благодати от исполнения тропаря, от силы и красоты собственного голоса.

По свидетельству историков, «репрессированное православное духовенство очень значительно по численности» [6, с. 9], а следовательно, у служителя культа шанс стать жертвой репрессий высок. Одна из главных причин такого положения дел кроется в установке государства на формирование атеистического общества, где церковнослужитель становится фигурой из царского прошлого, т. е. получает маркировку прошлой эпохи, следы которой подлежат уничтожению.

О символическом потенциале праздничных ритуалов в первые годы после революции писал в своем исследовании Б. И. Колоницкий, описывая случаи, когда ритуалы Пасхи использовались в организации советских праздников

и часто являлась формой выражения отношения к событиям среди граждан обновленной страны: «Сознательная и бессознательная ориентация на праздник Пасхи проявлялась в целовании незнакомых людей на улицах города» [7, с. 25]. Подобные переключки на уровне символов, по мнению ученого, становились своеобразными психологическими мостами, определяющими процесс смены идеологий. Связку между религиозными и советскими праздниками проговаривает на страницах дневника А. С. Аржиловский, не скрывая своей позиции ироничного наблюдателя.

Особого внимания заслуживают два дополнительных персонажа — участники сна — дьякон Сажин и Андрей Страхов. О Сажине в дневнике Аржиловский сделает несколько записей, которые свидетельствуют о давности знакомства Аржиловского с Сажиным и одновременно о дистанции между ними. Казалось бы, нет ничего особенного в том, что человеку снятся знакомые люди, но есть в этих встречах во сне и наяву скрытый смысл. Если о судьбе Андрея Страхова известно немного (очевидная перспектива для наших поисков), то о дьяконе Сажине информация есть, и в она вносит некоторые уточнения в истории Андрея Степановича Аржиловского и его брата Михаила.

Владимир Павлович Сажин, псаломщик тюменской церкви и давний знакомый Андрея Степановича Аржиловского, был расстрелян 12 октября 1937 года (примерно месяц спустя после расстрела братьев Аржиловских). В краеведческом исследовании Г. В. Коротаевой излагается непростая история псаломщика Всехсвятской церкви, которая подтверждается документами, свидетельствующими о том, что Сажин являлся секретным агентом ОГПУ-НКВД [8]. Причиной ареста могло стать невыполнение обязанностей агента, а затем и разработка дела тюменских церковников, закончившаяся арестом нескольких церковнослужителей 10 сентября 1937 года и их последующим расстрелом. Автор материала комментирует факт пьянства Сажина, который проник и на страницы дневника Аржиловского.

Если к Сажину А. С. Аржиловский относится настороженно, то Андрея Страхова называет «приятелем»:

«Вчера заходил Страхов, старый мой приятель поп-расстрига. Мечтает о рыбалке. Время подходит: кто-нибудь будет рыбачить. Может быть, посмотрим на рыбалку и мы...» (26 февраля 1937 г.).

Андрей Григорьевич Страхов (точных сведений о датах рождения и смерти нет) до революции был священником сначала в г. Березове, затем в Ялуторовске и в Тюмени. В официальных источниках епархии информация о служении Страхова после 1917 года отсутствует, но, видимо, он добровольно вышел из духовного сана, о чем и сообщает Аржиловский, называя его «попом-расстригой». Причины такого решения вполне могут быть объяснены процессами, происходящими в церковной жизни того времени, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Уже в период революции 1917 г. российская церковь пережила собственную «мирную революцию», в резуль-

тате которой во внутрицерковной жизни утвердились порядки, которые могли устраивать не всех.

Вместе с Сажиным проникает на страницы дневника мотив рыбалки, который воплощается и в записанном сновидении из последних дневниковых свидетельств А. С. Аржиловского:

«Наконец дождались и мы ненастья. Сильно высохшая земля лежит и чавкает под ногами. Вся природа рада дождю: отдохнули злаки и ждут солнечных лучей, чтобы развернуться и зацвести. Птички притихли, а чуть брызнет солнце — они запоют с новой энергией, защебечут радостно. Ребята кончили свои испытания. Отметки хорошие. Теперь хотим заработать «трудодни». Ох, Батюшки! Завязал переписку с Лабутой. Уже есть кой-какие шансы на переброску себя туда. Выждем, посмотрим, подумаем. Сегодня снилось, выудил язя, который оказался, с серебряной чешуей и с хвостом глухаря... *Заметный сон. ГПУ открыло целую группу высокопоставленных шпионов, в числе которых попал маршал Тухачевский... Очередной расстрел. Повторяется французская революция, не столько фактов, сколько подозрительности. Бей, чужая, наших!*» (19 июня 1937 г.)

Аржиловский фиксирует здесь не только причудливый сон с серебряной рыбой, но и собственные надежды на хорошие перемены. Возможно, сны автора дневника, отмеченные мотивами недоверия и надежды, аллегорично восходят к фактам реальной жизни, к страху и обману, к естественному желанию жить и воспитывать детей, которые через сознание и подсознание проникали в его сновидения. Мы никогда не узнаем, ходил ли в то последнее лето Андрей Степанович Аржиловский на рыбалку, были ли у его семьи реальные шансы вернуться к крестьянскому труду, спрятаться от политики в тихой глубинке, но мы точно знаем, что дневник помогал ему жить, оставаться собой в непростых обстоятельствах жизни. Более того, отсутствие дневника не повлияло бы на исход тех событий, поскольку расстрелы велись «по разнорядке» сверху, т. е. доказательная база не собиралась, а решения принимались в малые сроки.

Заключение

Сновидения Андрея Аржиловского в процессе их интерпретации отсылают к символам лейтмотивам эпохи, которая вошла в историю как время «большого террора». Одной из примет этого времени является подавление эмоциональных и интеллектуальных реакций на происходящие события, а значит, и вытеснение в область подсознания тех фактов текущей действительности, которые могут составить основу индивидуальных комплексов, тревожных состояний и одновременно воплотиться в сюжетах сновидений.

Мотивный анализ сновидений, записанных в личном дневнике А. Аржиловского, — это часть проекта, посвященного осмыслению индивидуальных стратегий выживания, который реализуется в системе публикаций различного

уровня (см. первые материалы по персоналии 2018-2019 гг. [5, 13]) и адресован современному читателю, убежденному в том, что личное творчество, самоанализ и критика текущей действительности — важные атрибуты жизни думающего человека в условиях любой государственной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржиловский А. С. Дневник / А. С. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2.
2. Аржиловский А. С. Голос одинокого человека / А. С. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-5, 54-56.
3. Аржиловский А. С. // Прожито. Европейский университет в Санкт-Петербурге: URL: <http://prozhito.org/person/248> (дата обращения: 05.06.2022)
4. Аржиловский А. С. Голос бывшего человека / А. С. Аржиловский // Большое городище: Тюм. краевед. ежегодн. 2018. № 4-5. С. 205-216.
5. Долгушина Е. Андрей Степанович Аржиловский: Голос из прошлого / Е. Долгушина, Н. Никулина, В. Темплинг // Большое городище: Тюм. краевед. ежегодник. 2018. № 4-5. С. 192-204.
6. Колева Г. Ю. Логика репрессий конца 1930-х гг. в пределах бывшей Тобольской губернии / Г. Ю. Колева // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 437. С. 8-17.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. СПб.: Лики России. 2012. 320 с.
8. Коротаева Г. В. Память их в род и род: судьбы духовенства храма Всех Святых города Тюмени, пострадавшего во времена гонения на Русскую православную церковь в 30-40-е годы XX столетия / Г. В. Коротаева. Тюмень: Издательско-информ. отд. Тобольской митрополии, 2018. 285 с.
9. Лазарева А. Пространство пророческих сновидений: семиотизация образа действительности / А. Лазарева // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 88-117.
10. Лазарева А. А. Невизуальное в сновидениях: толкование ощущений и чувств / А. А. Лазарева // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 12. С. 50-59.
11. Лурье М. Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) / М. Л. Лурье // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. Москва: РГГУ, 2002. С. 26-43.
12. Неклюдов С. Ю. Предисловие / С. Ю. Неклюдов, О. Б. Христофорова // Сны и видения в народной культуре / сост. О. Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 5-8.
13. Никулина Н. А. От эго-документа начала XX столетия к универсалиям российской жизни: история Андрея Аржиловского / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Технологос. 2019. № 3. С. 27-37.
14. Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) / И. Паперно // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html>

15. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. / И. А. Разумова. М.: Индрик, 2001. 376 с.
16. Романов Е. Р. Опыт белорусского народного снотолкователя / Е. Р. Романов // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 54-72.
17. Толстой Н. И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения / Н. И. Толстой // Наука в России. 1994. № 3. С. 33-37.
18. Трушкина Н. Ю. Рассказы о снах / Н. Ю. Трушкина // Сны и видения в народной культуре / Сост. О. Б. Христофорова. М.: РУДН, 2002. С. 143-170.
19. Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s / Ed. by V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. Trans. C. A. Flath. New York: New Press, 1995. Pp. 111-165.

Nadezhda A. Nikulina¹

UDC 930.2(2)

**TRUTHFUL DREAMS OF ANDREY ARZHILOVSKIY:
FROM A 1936-1937 DIARY OF A MAN SENTENCED TO DEATH***

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Intercultural Communication,
Industrial University of Tyumen
nadya-nika2006@yandex.ru

Abstract

The paper is based on the description of dreams laid down in a 1936-1937 diary of a Siberian village dweller Andrey S. Arzhilovskiy. Andrey S. Arzhilovskiy (1885-1937) was a prominent representative of peasants' intelligentsia of the late empire period, whose interests extended beyond breadwinning: being engaged in volost paperwork, he composed articles and satire for local newspapers, recounted folk customs and rites, and occasionally kept a thoughts' journal. For being involved in the work of a uyezd administration, he was first convicted in 1920 before being granted amnesty in 1922 and convicted for the second time in 1929, the latter sentence having led to over seven years of camp imprisonment. During this period, Arzhilovskiy has kept a diary, noting all his mundane observations, parenting turmoil, and doubts concerning a newly-established pattern of life and thought. The description of night dreams constitutes an important part of this egodocument which brought its author into scandalous limelight when it was partially published in the U.S. in 1995 and, at the same time, gave rise to the interpretation of key signs and symbols of individual and public history. Remarkably, this diary came to arise as grounds for its owner's guilty verdict pursuant to his life ended in the NKVD confines in 1937.

* The author would like to thank his colleague and good friend Vladimir Yakovlevich Templing, who passed away prematurely in January 2020, for his years of cooperation and for the idea of publishing this material.

Citation: Nikulina Nadezhda A. 2022. "Truthful dreams of Andrey Arzhilovskiy: from a 1936-1937 diary of a man sentenced to death". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 4 (32), pp. 41-59. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

Keywords

Andrey S. Arzhilovskiy, egodocument, a diary, man and state, dreams, 1937 repressions, survival strategies.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-4-41-59

REFERENCES

1. Arzhilovskiy A. S. "Diary". State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region. F. 4048. Op. 1. D. 2. [In Russian]
2. Arzhilovskiy A. S. "The voice of a lonely person". State Archive of Social and Political History of the Tyumen Region. F. 4048. Op. 1. D. 2. L. 2-5, 54-56. [In Russian]
3. Prozhito. Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. "Arzhilovskiy A. S.". Accessed 5 June 2022. <http://prozhito.org/person/248> [In Russian]
4. Arzhilovskiy A. S. 2018. "The voice of an ex-person". In: Bolshoe gorodishche: Tyumenskiy kraevedcheskiy ezhegodnik, nos. 4-5, pp. 205-216. [In Russian]
5. Dolgushina E., Nikulina N., Templing V. 2018. "Andrey Stepanovich Arzhilovskiy: the voice from the past". In: Bolshoe gorodishche: Tyumenskiy kraevedcheskiy ezhegodnik, nos. 4-5, pp. 192-204. [In Russian]
6. Koleva G. Yu. 2018. "The logic of repressions in the late 1930s within the former Tobolsk Province". Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univesiteta, no. 437, pp. 8-17. [In Russian]
7. Kolonitskiy B. I. 2012. Symbols of Power and the Struggle for Power: Towards the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917. Saint Petersburg: Liki Rossii. 320 pp. [In Russian]
8. Korotaeva G. V. 2018. Remembrance of Them to Their Families and Clans: The Fate of the Clergy of the Church of All Saints of Tyumen, Who Suffered during the Persecution of the Russian Orthodox Church in the 1930-1940s. Tyumen: Izdatelsko-informatsionniy otdel Tobolskoy mitropolii. 285 pp. [In Russian]
9. Lazareva A. 2018. "The space of prophetic dreams: semiotization of the image of reality". Antropologicheskiy forum, no. 39, pp. 88-117. [In Russian]
10. Lazareva A. A. 2017. "The invisible in dreams: interpretation of sensations and feelings". Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie, no. 12, pp. 50-59. [In Russian]
11. Lurie M. L. 2002. "Prophetic dreams and their interpretation (the case of the modern Russian peasant tradition)". In: Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture, pp. 26-43. Moscow: RGGU. [In Russian]
12. Neklyudov S. Yu. 2002. "O. B. Preface". In: Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture, pp. 5-8. Moscow: RGGU. [In Russian]
13. Nikulina N. A., Templing V. Ya. 2019. "From ego-document of the early 20th c. to the universals of Russian life: the story of Andrei Arzhilovskiy". Tekhnologos, no. 3, pp. 27-37. [In Russian]
14. Paperno I. 2012. "Dreams of Stalinism (dream as a source for the history of Stalinism)". Novoe literaturnoe obozrenie, no. 116. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> [In Russian]

15. Razumova I. A. 2001. *The Hidden Knowledge of the Modern Russian Family. Genesis. Folklore. History.* Moscow: Indrik. 376 pp. [In Russian]
16. Romanov E. R. 1889. "Experience of the Belorussian folk dream-teller". *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 54-72. [In Russian]
17. Tolstoy N. I. 1994. "Interpretation of dreams: a cursory glance from the philological and ethnographic points of view". *Nauka v Rossii*, no. 3, pp. 33-37. [In Russian]
18. Trushkina N. Yu. 2002. "Stories about dreams". In: *Khristoforova O. B. (ed.). Dreams and Visions in Folk Culture*, pp. 143-170. Moscow: RGGU. [In Russian]
19. "Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovskiy". 1995. In: *Garros V., Korenevskaya N, Lahusen T. (eds.), Flath C. A. (transl.). Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*, pp. 111-165. New York: New Press.